
Юлия Ефременкова

Всё не то

Рассказы

Голая

Высокая, худая, голая, она остановилась передо мной и попросила купить билет.
— Мне до Франкфуртер Тор, пожалуйста.

Как странно, удивилась я, но не тому, что незнакомая женщина стоит передо мной на станции метро без трусов в час дня. Это Берлин, здесь такое бывает. Почему она уточнила, что едет до Франкфуртер Тор? сказала бы просто *kurzstrecke* (для короткой дистанции)?

Я протянула ей билет, и, вместо спасибо, голая женщина несколько раз повторила, что забыла сумку с кошельком, такая нелепость. Черные коротко подстриженные волосы, тщательно раскрашенное лицо, разрумяненное так, что выглядит притороченным к бледной шее. Подошла к компостеру — кости, ребра, сплошные углы. «Цак-цак. Одиннадцатое февраля. Тринадцать ноль пять», — озвучила она пробитый билет. На ногах скучные ботинки без каблуков. Синяк на бедре. Глаза спокойные, четкие, слишком здоровые для такого голого тела.

До нашего поезда оставалось шесть минут. Подземный сквозняк даже через толстую ткань пробирает до мурашек, но женщина стояла ровно, словно ее кожа была теплой моей куртки для арктических путешествий. «Черт, кажется, пора уходить. Я не могу делать вид, что все нормально. Очередной перформанс? Сюрреалистический квест? Берлинале? Наркотики? Где люди? Капюшоны?»

Я не двигалась и старалась не смотреть на нее. Рассеянно теребила телефон: доставала из сумки, протирала экран, перекладывала в карман, смотрела время, не понимая чисел. Женщина подошла ближе, и пришлось запомнить, что кожа ее спины усеяна мелкой дрожью веснушек, а белая плитка на стене станции Штраузбергерплатц напоминает бассейн. Я ухватилась за эту ассоциацию и представила, что стою в раздевалке и надо снимать сапоги, идти босиком по мокрому полу, потом горячий душ, прыжок, холодная вода, задержка дыхания, тишина, нарастающий гул при движении, и все исчезает.

Ефременкова Юлия Валерьевна родилась в Одинцове Московской области в 1983 году. Окончила факультет истории, политологии и права РГГУ. Печаталась в журнале «Берлин. Берега». Участвовала в XVI Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живет в Берлине. В «ДН» публикуется впервые.

Подождал поезд, мы сели рядом. Полупустой вагон завыл. Нога на ногу. Пыльные ботинки. Двое школьников с огромными рюкзаками на секунду оторвали глаза от гаджетов, тихо посмеялись и снова занялись игрой. Несколько молодых мужчин рассеянно посмотрели на голую, но не изменили выражения лиц. Пустые глаза в пустоте. Пожилая женщина проворчала что-то, закашлялась, отвернулась.

Я распереживалась, что женщина голой попой сидит на сиденье, здесь часто спят бомжи. Достала из сумки бумажный пакет. Предложила ей. Она не поняла, посмотрела на меня строго, словно это со мной было что-то не так и это я на самом деле раздета.

На следующей станции зашел пожилой человек в добротном пальто и в альпийской шляпе. Я предложила ему присесть, он поблагодарил и, тактично не заметив чужой наготы, закрылся газетой. Я развернулась к голой женщине спиной, но уткнулась в отражение ее шеи в окне вагона. Она тряслась, стиралась, превращалась в чертеж, но все равно существовала.

— Франкфуртер Тор. Ваша станция, — обратилась я к ней, выходя из вагона.

— Спасибо. Но я, пожалуй, поеду дальше, — спокойные четкие глаза равнодушно попрощались со мной. Двери закрылись. Оживший манекен махнул рукой. Я выбежала из подземного мира — яркое солнце, желтые трамваи, ветер, девушка в берете, девушка в капюшоне, куртки, пальто, расстегнутые пуховики, белые дома, голубое небо, почти весенний Берлин. Но все же... почему она сказала «до Франкфуртер Тор»?

Пасха в Савоне

В Савону приехали случайно. Сели в первую пришедшую электричку в Турине и через два часа оказались в русском магазине у моря и пальм. Желтое облезлое здание с зелеными ставнями. Мандариновое дерево. Следы мозаики у двери. «Танюш, а где у вас здесь самое горячее из горячительного? А куличи-то нормальные есть? Или только к русской Пасхе привоз будет?» — «С наступающим, Нонна Ивановна. Добрый день, Алла Андреевна. Как дела, Леночка? Берите сметану литовскую. Сырки глазированные замороженные. Колбаса вот эта хорошая. Нет, завтра в Пасху открыты, на православную закрыты. Селедка есть».

Покупатели здоровались друг с другом, некоторые обнимались. Крупный лысый мужчина открыл банку с рижскими шпротами, покачал головой: «Нда... Все же не те». Мы стояли с походными рюкзаками у полки с пряниками, растерянные, уставшие после дороги, и не понимали, зачем мы здесь. «Медовик. Горилка. Эскимо. Малосольные огурцы. Тархун». Под ногами лужами разливалось солнце, на руках в смартфонах умирал интернет. «Вовка в Ниццу поедет яйца святить, ваши захватить?»

Booking.com с жильем не помогал, местные сайты с арендой апартаментов не грузились. Кто-то спросил, есть ли в магазине нормальный портвейн, и окружающее окончательно расплзлось во времени и Италии, превратившись в Гурзуф, где пятнадцать лет назад в таком же магазине я спрашивала у продавщицы про ночлег.

— Что желаете, ребята? Есть батончики «Рот Фронт». Квас хороший. Пиво.

— Простите, а квартиры у вас нет? Никто не сдаст? На ночь или две? Приехали спонтанно, а жилья нет.

Продавщица вопросу не удивилась, поправила очки, внимательно нас оглядела, вышла из-за прилавка и тоном старосты на пионерском собрании обратилась к посетителям: «Друзья, надо помочь ребятам, они туристы, и им негде в Савоне спать. Давайте искать варианты, не оставим же семью на улице ночевать?»

Пожилая женщина в белой панамке отложила кулечки с конфетами, засуетилась, забегала, вытащила из сумки телефон, закричала: «Алло, Оля! Тут ребята приехали, надо поселить. Хорошие ребята. Молодые. Занято? Светке позвонить? Светка, ты где? А, в Милане. Чего там забыла-то?» Девушка в меховой жилетке и в спортивных брюках звонким голосом перебила: «Витя, ты меня слышишь? Витя, аллè! Выручай, дорогой. Да нет, со мной все хорошо. Ребятам квартирка нужна. К Марине? Как-то к Марине их стрёмно, москвичи, кажись». Магазин гудел. Товары не покупались. Кто-то рассыпал пакет с мукой. Начиналась ругань. «Да позвоните Серому, у него всегда комнаты есть». «Куда их к Серому, у них ребенок, надо везти к моряку». «Ты совсем? — к моряку. У него диван один, и тот с клопами». «Тогда к Васильевым». «Васильевы с инфекцией, я ж говорила. Куда людей заражать?»

Высокий усатый мужчина поднял руку, откашлялся и тихо предложил: «К Петровне их надо. Она обрадуется».

По крутой узкой улице, мимо свисающих гроздьев глициний и полотен цветных простыней, пугаясь шума мотороллеров, мы удалялись от моря, послушно повторяя запрограммированные на гугл карте шаги. К Петровне.

Она сразу усадила за стол. Выдала тапочки. Налила вино. «Ну, с Богом!» На белых стенах янтарные картины — осенние березки, церкви, золотые поля. На холодильнике — плюшевый розовый слон. Потолки для великанов и запах киевских котлет. Худая, с уставшим болезненного цвета лицом, засаленными волосами, в банном черном халате, она курила сигарету за сигаретой и никак не походила на ту радостную Петровну, которую вообразила я. Женщина в нас не всматривалась, не улыбалась, ни о чем не спрашивала и вела себя так, словно вчера мы здесь уже были и не дослушали ее рассказ.

— Пол так и не помыла. Голову тоже. Зато покрасила яйца и приготовила винегрет. Снился сегодня дом наш в Черкассах. В саду чайные розы, олеандры. Под сливами и грушами длинный стол. Пошли с мужем на кладбище, Пасха ведь. Пришли к могиле, а я ему такая — так это ж ты там лежишь. Он удивился и исчез. Потом тетя Катя приехала картошку сажать, шашлыки жарить. Тетя Катя тоже покойница, кстати. Вскопала землю и вместо картошки в нее и легла. Такие вот сновидения.

Она налила нам еще вина, положила салата. Мы решили представиться и уточнить, что в Савоне впервые, есть не хотим, завтра уедем. Море посмотрим и вернемся в Берлин. Но Петровна положила нам еще винегрета, села у окна и провалилась в сигаретный дым.

— Не спешите. Завтра Пасху отметим. Песни попоем. Погуляем. Я вам говорила, что с туалетом осторожно? Окно закрывайте, а то соседи-сенегалыцы хулиганят, перелезают ко мне на толчок. Вы ешьте, я не хочу. Вы ешьте.

Я попыталась спросить про вайфай, надеясь поискать хотя бы хостел какой на букинге или поезд в Геную-Турин-Милан, но Петровна сказала, что интернета до конца месяца нет, а уехать она нам не позволит так быстро. Открыла окно, яркий свет сквозняком ворвался на кухню. Запах никотина ослаб от сладковатого аромата травы. Петровна зажмурилась, закричала на итальянском. В ответ ритмично хлопнули в ладоши, зазвучал барабан, низкий женский голос с тоской затянул непонятное.

— Вот такой сенегальский плач Ярославны у меня каждый день...

Мы стояли на солнце под балконом, заставленном досками, лыжами, банками, резиновыми сапогами. На других балконах стояли пальмы, плетеные кресла и круглые столы.

— Туда. Вот туда идите. Там море, — махала нам Петровна. — Увидите его и никуда не захотите уезжать. Как я.

Опьяненные солнцем, вином, голосом Петровны, мы еле тащились по брусчатке мимо пустых пиццерий, бледных храмов и заброшенных вилл. Крикливые синьоры с мороженым. Мотороллеры. Детский смех. Стук посуды в кофейне. Указатель на порт и крепость Примар. Вроде настоящая Италия, но вот снова русская речь: «Куличи напекла, а посвятить не успела». Какой-то гигантский пасхальный лабиринт, а не город.

Но вот море. Встали, смотрим на него — бьется, заливают песок пеной, обрушивается рваным ритмом на берег, и хочется что-то с ним сделать, утолить долгую жажду, схватить это бурление, впитать в себя, протрезветь от пасхального лабиринта, снов Петровны, вина. Но как? Время года не то. Все не то. Пустое бесконечное море. То ли выход, то ли вход.

Мавры в Кальяри

Все было отлично продумано. Отель всего в десяти минутах ходьбы от главного вокзала Кальяри, рядом старый город, бастион Сан-Реми, рестораны, порт, автобусная остановка. Оценка на Букинге 8.1, хорошая цена, завтрак, ранний заезд, поздний выезд, на фото пышное здание, похожее на дворец, терраса с видом на гавань, в номере кондиционер, аккуратный дизайн, отзывы противоречивые, да это неважно.

Но вот одиннадцать утра. Выходим из автобуса и вспышка — раскаленная, как дровяная печь для пиццы, площадь без людей. Солнце накидывается на нас беспощадно, минута ожога — и кружится голова. Искрами мелькают: сардинский флаг (четыре черные головы с завязанными глазами), белоснежные башни, балюстрады, арки, высокие пальмовые пучки. И вроде понятно, куда идти: по широкому приморскому бульвару прямо, но ноги слабые, а в глазах слепой свет. Хочется лишь тень и воду. Нырнуть бы в ведро, полное льда, и перестать видеть повсюду отрубленные головы мавров с флага.

Виа Рома. В тоннеле аркад череда круглых столов, заставленных бокалами вина и стаканчиками с мороженым. Вид на порт, мощные колонны, высокая парадная дверь. Дом пятьдесят девять. Женщина в черном платье и на высоких каблуках спешит перед нами, но вдруг замедляется, с улыбкой говорит «bella ragazza» и указывает на мою дочь, я соглашаюсь — да, красotka. Мы заходим в прохладный подъезд. Винтовая лестница с красным натяжным ковром. Лепнина. Запах мокрых тряпок и прелых роз. Женщина заходит в крошечный старинный лифт. Мы говорим, что нам в отель, где он?

— Да-да, подождите минуту, я отправлю к вам портье, он заберет ваши чемоданы. Минуту. Минуту, синьора!

Что? Портье? Лифт с неприятным скрипом поднимается вверх, а через минуту к нам действительно спускается мужчина в синем коротком пиджаке, шапочке и даже в белых перчатках.

— Добро пожаловать в наш бутик-отель, господа.

И вот мы в бархатных креслах у антикварного стола. Нас угощают кофе и лимонадом. Мраморный пол, зеркала, полотна с тосканскими пейзажами. Горничная в белом фартуке вытирает пыль с хрустальных люстр, интересуется — не хотим ли крем-брюле или дыню? Вот сейчас вас оформят, проводят в номера, и вы ляжете в ванну с видом на гавань. Болезненный жар покидает меня. Тело расслабляется, уходит

тревога, портье аккуратно катит по коридору чемодан, солнце сквозит через окно и не жалит. Моя дочь, *bella ragazza*, говорит, что я молодец, впервые в жизни заказала нормальный отель, а не просто ночлежку. Мой брат говорит, что у меня хороший вкус и нам стоит выпить шампанское. Я проваливаюсь в сон, шарканье ушедших эпох. Очень зря, очень-очень зря я считала такую обстановку пошлой.

— Синьора, простите. Простите, что беспокоим вас, но случилось недоразумение. Не подскажете, когда и на какую фамилию вы делали бронь? Мы не можем найти вас в нашей системе.

— Ваша система? Но это же дом пятьдесят девять?

Да, это Виа Рома пятьдесят девять, но мы — идиоты, перегрелись и перепутали отель. Поднялись на два этажа выше нашего. Нам очень жаль покидать вас, но все в следующий раз — крем-брюле, фирменное белое вино, абрикосы, шампанское. Мы пойдем, спасибо за все.

Портье аккуратно несет чемодан, горничная протирает за нами двери.

— Чао. Чао. Нет, лифт только для постояльцев нашего отеля.

— Чао, чао. Хорошего дня.

По винтовой лестнице спускаемся в наш отель с оценкой 8.1 на букинге. Пахнет бытовой химией, духотой. Утомленная девушка на ресепшн. Взрослый полный мужчина кричит на нее на английском.

— У нас в номере таракан! Таракан! что с этим делать? Вы можете его убить?

— Вы открывали окно?

— Ну, конечно. От кондиционера плохо пахнет. Я задышался и открыл окно.

— Я говорила, что окна открывать нельзя. Теперь здесь, наверное, полк тараканов.

Четырехглавый сардинский флаг висит на стене — отрубленные головы снимают с глаз повязки.

Предвестники эпидемии

В Берлине творится странное. В Берлине происходит тревожное. Вышла вчера из дома — настроение хорошее, небо голубое, дрозды поют, крокусы цветут, рыжая белка вместо черной кошки дорогу перебегает. Трамвай не спешит, хоть на табло горит, что через минуту будет. Минута длится триста секунд. Приходит сборщик бутылок, ворчит, что надоела зима, вот бы сразу лето, пиво и жажда. Приходит пожилой человек в клетчатом длинном пальто, возмущается, что никому в этом городе нельзя доверять, особенно транспортному расписанию. Приходит белый лохматый пес, а за ним хозяйка, говорит: «Сиди и жди, сиди и жди. Терпи. Хороший мальчик». Приходит ребенок с большим рюкзаком, уточняет, на правильной ли он стороне к Главному вокзалу. Приходит трамвай, полупустой, с запахом жареных котлет и влажных половых тряпок. Сажусь у окна, достаю книгу с рассказами Элис Манро и получаю удар — безболезненный, мокрый, холодный — прямо в голову. Слышу рядом тихое «шорри», похожее на стон. Бледная испуганная девушка, кровь на губе, руки дрожат, снимает с меня холодный пакет — медицинский лед — и возвращает его на свою щеку. Говорю: ничего, бывает, зуб мудрости? мне тоже удаляли. Говорю: не переживайте, я роняла и не такое на людей, например, томик Ницше в одинцовской электричке на спящего мужчину, а лед на голове — это даже приятно. «Хорошего дня». «Хорошего дня. Поправляйтесь».

Я вышла на Александрплатц и поехала дальше. Какое-то время все было хорошо, светило солнце, смеялись люди, я погрузилась в рассказ «Молчание», не обратила внимания, что сижу рядом с человеком в лохмотьях, который недовольно бормочет что-то себе под нос и размахивает грозно пальцем в сторону азиатов. Когда я оторвалась от книги, было уже поздно, станция Савиньплатц была позади, я не успела выйти, подбежала к дверям как раз в тот момент, когда они захлопнулись за девушкой, которая держала лед у правой щеки. Нет, это была совершенно другая девушка. Румяная, высокая, веселая. Просто тоже с медицинским льдом на щеке. Ничего, подумала я, бывают такие дни, когда всем удаляют зубы.

Я вернулась на Савиньплатц без каких-либо приключений, вышла из наземного метро все еще в хорошем настроении. Небо голубое, пахнет мимозой, красивые люди в шляпах и ярких пальто расслабленно идут в сторону Курфюрстендамм, а скоро совсем весна, сирень, открытые веранды ресторанов. Я улыбалась и беззаботно шла до светофора. Нет, этого не может быть, — на перекрестке тоненькая девушка что-то держала у щеки. Подошла ближе. Лед. Третья девушка за это утро. Что за чертовщина? Что за ерунда? Это уже похоже на то, как ко мне прицепилось слово амбивалентность, слово не из моего активного словаря охотилось однажды за мной несколько дней — его, как проклятие какое страшное, повторяли все вокруг — на ютубе лекторы с постнауки (но это ладно), в интервью у Пивоварова и Шихман, русские люди ни с того ни с сего выкрикивали в немецком транспорте «амбивалентность», друзья тоже как сговорились. В какой-то момент мне казалось, что и тринадцатилетняя дочка вместо доброго утра пожелает мне амбивалентности, а может, даже и кот. Все заиклились на этом слове, просто помешались.

Через два часа я забыла про девушек со льдом на щеках. Я шла по Курфюрстендамм и думала про Берлинале, про то, что впервые я заранее купила билет и как удобно — кинотеатр Интернациональ прямо рядом с домом. Мой первый билет на Берлинале — за эти пять лет. Зашла на рынок у Виттенбергплац, купила рыбу, кинзу, салат, почти все, как советуют лучшие хозяйки Берлина, хотела купить еще и цветы, но встретила четвертую девушку с примочкой на щеке и испугалась. Побежала в метро, уткнулась в телефон, сколько непрочитанных сообщений, вот и хорошо, не буду поднимать глаза, пока не доеду до дома. Но нет. На станции Потсдамер Платц поезд так резко затормозил, что мне на ногу наступил женский сапог. Я не хотела, не хотела смотреть, потому что уже знала — это безумный тревожный день, а со мной что-то не так, а может, в Берлине началась эпидемия. Я не хотела смотреть, но не могла отвести глаз. Это была она! Пятая девушка, которая держала лед у щеки, двадцать первого февраля две тысячи двадцатого года в Берлине.